

Алексей КУДРЯШОВ

г. Сокол

Вологодской области

(очерк-расследование)

Подлинная история достойной жизни и загадочной смерти одного из главных героев знаменитой книги и не менее известного фильма – по-видимому, единственного из ШКИДцев, чья судьба оказалась связана с Вологодчиной.

До последнего времени главным свидетельством его пребывания на берегах Шексны были письма (вернее, обратный адрес на конверте и упоминание реки в тексте), которые он посылал своим однокашникам, подписывая эти весточки не своим настоящим именем, а полученным от товарищей прозвищем – Колька Цыган.

Но вскоре связь с ним прервалась.

Питерские телевизионщики, пытавшиеся отыскать его следы в 2009 году во время съемок документального расследования «Главная тайна «Республики ШКИД» о судьбах героев книги и фильма, потерпели неудачу: в Вологодском областном архиве новейшей политической истории им ответили, что сведений о таком человеке нет, а поселковый архив местечка, где он жил, сгорел...

Но мы выяснили, что случилось с Колькой Цыганом.

Более того: в двух с половиной тысячах километров от Вологды мы отыскали его внучку!

И когда пообщались с ней, она призналась, что о некоторых фактах биографии деда слышит впервые, а кое-что – в частности, установленное нами место его захоронения – вообще стало для его родных настоящим открытием.

Книжные дети

В 1927 году вышла отредактированная при участии Самуила Маршака книжка бывших беспризорников Григория Белых и Леонида Пантелеева «Республика ШКИД», которая теперь признана классикой детской литературы.

До 1936 года, когда одного из авторов, Григория Белых, арестовали за «антисоветский» стихотворный диалог Петра I и Иосифа Сталина (Белых получит три года, но из тюрьмы так и не выйдет – умрет от туберкулеза), повесть успели переиздать десятков раз, она была переведена на несколько языков и оказалась на четвертом месте в списке самых популярных в мире советских книг. Из-за Белых повесть надолго «забыли», вновь она была напечатана лишь после его реабилитации, в 1960 году. А в 1966 году вышел одноименный фильм Геннадия Полоки с Сергеем Юрским в главной роли, и началась вторая жизнь главного творения Белых и Пантелеева. Повесть популярна и переиз-

дается до сих пор. В 2013 году Министерство образования РФ включило «Республику ШКИД» в топ-100 рекомендуемых для внеклассного чтения книг, а в педагогических вузах до сих пор изучают описанные в ней методы воспитания.

Секрет успеха повести не только в оптимизме и ярких героях, но и в документальности: авторы фактически ничего не выдумали – бывшие беспризорники честно описали три года своей жизни, проведенные в Школе имени Достоевского (*сокращенно – ШКИД*). Изменили только фамилии: так, Гришка Белых (Янкель) превратился в повести в Гришку Черных, Лешка Еремеев – в Ленку Пантелеева...

Колька Цыган в книжке (и фильме) получил фамилию Громоносцев. На самом же деле его звали Николай Победоносцев.

Биографию Цыгана нам пришлось восстанавливать буквально по крупицам. Помимо архивных источников и оставшихся после него документов и немногочисленных фотографий, настоящий клад информации – его письма и собственно сама повесть «Республика ШКИД» (в том числе эпизоды, исключенные из текста после первого издания), а также примыкающие к ней «ШКИДские рассказы» Леонида Пантелеева. Что-то удалось почерпнуть из неоконченных воспоминаний директора ШКИДы Виктора Николаевича Сорока-Росинского (1882–1960; в повести – Сорокина), чьи фамилия, имя и отчество были сокращены воспитанниками – придумка Цыгана, кстати! – в Викниксоре.

Есть и еще один источник – правда, одиозный. В 1930 году на волне поднявшейся с подачи вдовы Ленина Надежды Крупской критики методов Викниксора вышел другой роман о ШКИДе, сюжетно продолжающий книгу Белых и Пантелеева, – «Последняя гимназия». Его авторы – бывшие ШКИДцы Павел Ольховский и Константин Евстафьев (в «Республике ШКИД» Ольховский фигурирует под прозвищем Саша Пыльников, а Константин Евстафьев, выведенный в «Последней гимназии» под фамилией Евграфов и прозвищем Химик-Механик, в «Республике...» вообще не упоминался). Своих товарищей эти «мемуаристы» в пику «Республике...» изобразили отпетыми бандитами, которые учиться не хотели, а вместо этого дрались, пьянствовали, развлекались кражами, изготовлением самодельных пистолетов и издевательствами над педагогами при попустительстве Викниксора. Эта книга не пользовалась популярностью и не переиздавалась, но начинается она как раз с отчисления Цыгана...

Стоит признать, что ШКИДа (полное наименование – Школа социально-индивидуального воспитания имени Достоевского для трудновоспитуемых)

действительно являлась своего рода полутюрьмой – интернатом закрытого типа для малолетних правонарушителей, организованным в сентябре 1920 года в здании бывшего ремесленного училища по адресу: Старо-Петергофский проспект, 19 (сейчас здесь расположен бизнес-центр). Всего в Петрограде было тогда пять таких учреждений для мальчиков и одно – для девочек. Создавались они для борьбы с детской беспризорностью, которая расплодилась по стране после революции и Гражданской войны: в начале 1920-х годов в России насчитывалось, по разным данным, от 2 до 7 миллионов беспризорников – сирот или ребят, оставшихся без должного присмотра со стороны взрослых и не имевших постоянного места жительства.

ШКИДа – это, как пишет в своих воспоминаниях Сорока-Росинский, «не художественный вымысел, а реальные люди, жившие и действовавшие в ней в 1920–1925 гг. Это педагогическая система». Здесь были и карцер, и замки на воротах, и строгий режим дня, и по 10 уроков ежедневно. Попадали сюда подростки, которых уже потрепала жизнь, но они, по мнению Викниксора, еще могли стать настоящими людьми.

Подозреваемый в убийстве Колька Цыган появился в ШКИДе зимой 1921 года.

Внук коллежского секретаря, или «Здорово, сволочи!»

«У Кольки был зловещий вид. Взбитые волосы лезли на прямой лоб. Глаза хитро и дерзко выглядывали из-под темных бровей, а худая мускулистая фигура красноречиво утверждала, что силенок у него имеется в достатке», – так описывается его появление в «Республике ШКИД».

– Здорово, сволочи! – поприветствовал он новых товарищей и, бесцеремонно растолкав сидевших у печки, устроился поближе к теплу.

Поскольку был он черненький, ШКИДцы тут же придумали ему навсегда приклеившееся прозвище – Цыган.

О его родителях и месте рождения в повести ни слова. Между тем в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга хранится (фонд 19, оп. 127, д. 1855) метрическая книга Благовещенской церкви, что расположена на 7-й линии Васильевского острова города на Неве. В этой книге есть запись №488, гласящая, что 1 июля 1906 года в семье сына коллежского секретаря Александра Николаевича Победоносцева и его законной супруги Надежды Николаевны родился первенец, которого нарекли Николаем.

Любопытна пометка по поводу супругов: для Александра Николаевича это был первый брак, а для Надежды Николаевны – уже третий. Кроме того, из той же записи явствует, что одним из восприемников при состоявшемся 11 июля крещении (то бишь крестной) стала девица Антонина Николаевна Победоносцева, тоже дочь коллежского секретаря – стало быть, родная сестра отца и тетка Николая-младшего.

В «Адресной книге Петербурга» за 1906 год Александра Николаевича Победоносцева нет, но можно не сомневаться, что проживала семья где-то поблизости от Благовещенской церкви – скорей всего, на том же Васильевском острове, в районе Малого проспекта.

Получается, Колька Цыган – потомственный петербуржец! Причем из приличной семьи. Не стоит, конечно, думать, что из дворян. Коллежский секретарь – это, согласно Табели о рангах, чин всего лишь X класса (из четырнадцати). Когда-то приравнивался к воинскому званию штабс-капитана, позднее – поручика. Этот чин автоматически присваивался получившим высшее образование. Пушкин в свое время по окончании лицея стал аккурат коллежским секретарем...

Чтобы получить следующий чин – титулярного советника, – требовалось «оттрубить» на госслужбе минимум три года, а не продвинуться дальше этого чина означало прервать служебную карьеру на полдороге (как, например, гончаровский Обломов). Почему дед Кольки Цыгана не выслужился, мы не знаем, но у него, по крайней мере, было высшее образование. Может, гены сыграли роль в том, что у Кольки потом возникла тяга к математике, шахматам и головоломкам?..

Как бы то ни было, семейным счастьем Колька наслаждался недолго: из «Республики ШКИД» мы узнаем, что отец умер, когда ему было всего пять лет (то есть, выходит, в 1911 году), а вскоре умирает и мать. С Колькой родственники не могли сладить (уж не та ли самая тетка Антонина? Или она просто вышла замуж и сорванец ей мешал?) и отдали его в Гатчинский Николаевский сиротский институт – учебное заведение для мальчиков-сирот. С порядками, как в кадетском корпусе (возглавлял институт генерал), и весьма хорошей репутацией. Располагался институт в Гатчине под Питером и существовал с 1803 года. Колька отличался задиристым нравом, шkodил, управы на него не было, а потому, когда институт в 1917 году расформировали, внук коллежского секретаря – забытый родственниками сирота – отправился в невеселое «путешествие» по детдомам и приютам.

Жизнь покатила по наклонной: к 1920 году Николай Победоносцев, сбжав из очередного воспитательного учреждения и некоторое время побродяжничав, вернулся в Петроград, обосновался в «Вяземской лавре» – бандитском квартале в районе Сенной площади, сошелся с ворами, начал приторговывать кокаином. Тогдашней его мечтой, как он напишет много позже Белых и Пантелееву, было «сделаться хорошим вором, шнифером [взломщиком сейфов. – Прим. авт.] или квартирником [«специалистом» по квартирным кражам. – Прим. авт.]».

В конце концов, осенью 1920 года по подозрению в «мокрое деле» его уперли в Александроневскую лавру, которая тогда была превращена в изолятор-распределитель для несовершеннолетних и считалась последней ступенью исправительной системы, откуда только две дороги: либо в настоящую тюрьму, либо в нормальный детдом. Попасть в лавру в те годы – самое страшное, что могло ожидать молодого правонарушителя.

Колька Победоносцев промаялся в кельях-казематах лавры три месяца. Потом ему это все надоело, и в темную зимнюю ночь он с двумя товарищами ударился в бег: проломили решетку камеры и спустились на полотенцах во двор. Поймали их уже на ограде, через которую они пытались перелезть. Отсидев тридцать суток в карцере, Колька неожиданно образумился и заявил начальству:

– Люблю математику. Хочу быть профессором.

Категорическое заявление подействовало – Победоносцева перевели в ШКИДу. Викниксор отрекомендовал его воспитанникам как «хорошего математика» (Колька хорошо играл в шахматы, и директор школы редко у него выигрывал).

ШКИДцы не сразу приняли Цыгана. Но когда хитрый Колька сочинил стишок в школьную стенгазету, ШКИДа, равнодушная к талантам, признала его своим.

Свой в доску

Кипучая натура не давала ему жить спокойно. Он был активным участником, а подчас и застрельщиком всевозможных шалостей, но никогда не опускался до подлостей. Будучи парнем развитым, любил дружить с ребятами младших классов, особенно с отъявленными бузотерами, лез из-за них на рожон.

Как Цыган учился, мы не знаем. Видимо, небезуспешно: есть упоминание о том, как он с приятелями переводил с немецкого Гёте (надо отметить, что воспитанники ШКИДы были в большинстве своем весьма начитанными, а некоторые знали аж не по одному иностранному языку).

Особой страстью Цыгана стали головоломки. Когда в ШКИДе началось повальное увлечение журналами, он сперва приставал ко всем «издателям» с предложением вести рубрику шарад, а когда ему отказали, сам затеял выпуск журнала «Головоломка».

Подчас Цыган «слетал с катушек» из-за своего буйного нрава. Однажды, будучи старостой по кухне, он опоздал к началу организованной однокашниками лотереи. Ему очень хотелось выиграть коньки, но этот лот уже был разыгран, и раздосадованный Цыган не только сорвал дальнейшее проведение лотереи, но и... наkostenял по шее ее организаторам.

Надо сказать, дрался он в ШКИДе нечасто. Наоборот, раскрылись доселе дремавшие совсем другие черты его, как оказалось, тонкой природы: как-то весной Цыган влюбился в незнакомку на улице и тем самым ввел в ШКИДе моду на влюбленность. Впрочем, ничем серьезным его увлечение не закончилось: его подруге нравилось ходить в кино, а у кавалера не было на это денег, и в конце концов он отшил ее, заявив, что терпеть не может фильмы...

А еще Цыган не чурался общественной жизни. Он заинтересовался зарождавшимся в стране пионерским и комсомольским движением, предложив внедрить это и в ШКИДу. Но руководство школы идею не поддержало, поскольку режимному учреждению запрещалось играть в политику.

Может быть, поэтому Цыган в конце концов и сорвался.

«Волчий билет»

В августе 1923 года ШКИДа временно осталась без директора: Викниксор на целый месяц уехал на педагогический съезд в Москву. Предоставленные самим себе, воспитанники стали озорничать с утроенной силой. Некоторые вспомнили и о воровском ремесле. Тем более что был подстрекатель – крайне неприятный тип по прозвищу Гужбан («единственный человек на свете, которого я искренне ненавижу», – признается потом в одном из писем Цыган).

Проженный вор, Гужбан, на вид восемнадцатилетний, но заявивший при поступлении, будто ему всего 15 лет, сразу стал искать дружбы у самых сильных ШКИДцев. И доверчивый Цыган попался на его удочку. Пользуясь отсутствием Викниксора, они совместно, подключая и других ребят, провернули ряд краж из близлежащих складов и магазинов. Награбленное Гужбан сбывал, пользуясь старыми уголовными связями, а на вырученные деньги устраивал корешам попойки и кутежи.

Членов их компашки в ШКИДе стали называть «особенными». Вседозволенность всколыхнула в их душах ту муть, которую Викниксор всеми силами – и не без успеха – пытался подавить.

Последней каплей для Цыгана стало то, что вчерашние его дружбаны, с которыми он провел в ШКИДе не один год, не включили его в состав своеобразного школьного комитета самоуправления – Юнкома. Сорвавшийся Цыган опустился до травли его членов, демонстративно сблизился с Гужбаном и как минимум один раз после гулянки даже не пришел в школу ночевать.

Дошло до того, что однажды в ШКИДе пропали все лампочки – их слямзили и продали по указке Гужбана и Цыгана. Сами же предводители, согласно «Последней гимназии», и вовсе провели ночь пьяные в кутузке.

Вернувшийся Викниксор, узнав об этом, хотел было сразу отправить всю шайку в лавру, но за них заступился Юнком – те самые активисты, которых они подчас поколачивали. Им дали испытательный срок – две недели. Но Викниксор, полагавший, что столь яркий правонарушитель может исправить лишь физический труд, не отступился и провел голосование – кого воспитанники ШКИДы считают самыми опасными. Цыган «занял» второе место, следом за Гужбаном. И в результате их, а также двух их корешей – Бессовестина и Устиновича по кличке Бык – решено было перевести в сельскохозяйственный техникум.

Если остальным на приговор было наплевать, то Цыган, обычно сдержанный в проявлении чувств, зарыдал. До самого отъезда он ни с кем не общался, был хмур, а по ночам слышали, как он плакал.

Когда ШКИДцы провожали изгнанных на вокзал, он шел последним. Выпускники, одетые в полупенное из губоно «выпускное» – суконные пальто, брюки и гимнастерки, – несли на плечах мешки с бельем. «Убегу! – вдруг глухо воскликнул Цыган. – Честное слово, убегу... Не могу» (цитируем по «Республике ШКИД»).

Но бежать ему было некуда.

Рассвет новой жизни

В «Республике ШКИД» сказано, что их посадили на поезд, идущий в Нарву, а сам техникум, мол, расположен где-то в Петергофском уезде. В «Последней гимназии» есть уточнение: техникум находился якобы в Стрельне, под Питером.

Когда же мы попытались это проверить, выяснилось, что осенью 1923 года ни в одном из населенных пунктов по маршруту следования поезда Петергоград – Нарва... не было сельхозтехникумов!

Агропедтехникум в Стрельне был организован лишь в 1930 году. А до этого в Михайловском дворце Стрельны располагалась известная школа-коммуна с сельхозуклоном «Красные Зори», на базе которой он и был создан. Значит, ШКИДцев перевели туда?

К сожалению, в воспоминаниях бывших воспитанников о «Красных Зорях» (о коммуне были выпущены пара книжек и даже снят документально-пропагандистский фильм) мы не нашли ни одного упоминания о Николае Победоносцеве.

Тем не менее в мае 1924 года Белых и Пантелеев получили от Цыгана первое письмо: «Часто вспоминаю я вас и школу, но не правы вы будете, черти, если подумаете, что я несчастлив. Я счастлив, товарищи, лучшего я не могу желать и глуп был, когда плакал тогда на вокзале и в вагоне. Викниксор хорошо сделал, что определил меня сюда. Передайте ему привет и мое восхищение перед его талантом предугадывать жизнь, находить пути для нас».

Первые два месяца жизнь на новом месте действительно была Цыгану в тягость – пока его не завалили работой. Парень увлекся и не заметил, как полюбил сельское хозяйство. Как первокурсник, он работал не в поле, а в амбарах на разборке и рассортировке зерна. А главное, как он признается в письме, – «ваш друг и однокашник Колька Цыган разучился воровать... Сейчас ничто не заставит меня украсть, я это чувствую и верю в безошибочность этого чувства...»

Мало того, Цыган стал комсомольцем! И – снова влюбился. «У нас в техникуме учатся не только парни, но и девушки, – пишет Колька. – Я закрутил с одной очень хорошенькой и очень умной. Думаю, что выбрал себе «товарища жизни». Мечтаем (не смеяться, ребята) служить на благо обществу, а в частности – советской деревне, рука об руку».

А в 1926 году в квартиру, где бывшие ШКИДцы Белых и Пантелеев писали свою повесть, ввалился (цитируем книгу) «огромный человек в непромокаемом пальто и высоких охотничьих сапогах». Это был Цыган, приехавший в Питер в командировку: он уже больше года работал агрономом в совхозе.

В статье «Герои «Республики ШКИД», опубликованной в июньском номере журнала «Наши достижения» за 1929 год, Пантелеев вновь вспомнил о Цыгане: «Агроном Николай Александрович Победоносцев [в тексте он фигурирует именно так, с настоящей фамилией! – **Прим. авт.**] по-прежнему пишет нам из Кирилловского уезда Черниговской губернии».

Пантелеев был прав насчет уезда, а вот с губернией ошибся: Колька Цыган начал свою трудовую жизнь не на Черниговщине, а на Вологодчине. Он

обосновался в ста верстах от Череповца (не из-за сходства ли названий путаница?), в укромном местечке под названием Вогнема.

Затерянный в глуши

Вогнема – село в Кирилловском районе Вологодской области, сейчас это центр Липовского сельского поселения. Расположено на правом берегу реки Шексна в 22 километрах от райцентра. Население – полторы сотни человек.

Село с богатой историей, известно с XV века. В 8 км к востоку от Вогнемы сохранились постройки Нило-Сорской пустыни, основанной в 1480 году. А рядом с селом расположена паромная переправа через Шексну, соединяющая Кирилловский район с Белозерским. На Вогнемской переправе Василий Шукшин потом будет снимать фильм «Калина красная»...

Вот в таком месте очутился Николай Победоносцев. «Надо же какому-нибудь дьяволу сидеть в деревне и лечить мужичьих коров и жеребцов, – читаем в одном из писем Цыгана Белых и Пантелееву. – А это, ребята, дело нелёгкое. Насчёт скуки это пустяки, скучать даже некогда. А вот устаёшь здорово. Считайте по пальцам, какими делами приходится заниматься: собрания, беседы, агрономические кружки, кооперация, организация всяческих товариществ, работа в секции волсовета, консультация, а тут ещё отчётность и канцелярская дребедень. Некогда даже вздохнуть, а хочется ещё поохотиться и выкупаться в Шексне. Дома я бываю в месяц дней 10, не больше, а всё время в разъездах по деревням. Но я не жалуясь...»

Судя по тону писем, Победоносцев-старший наконец-то по-настоящему счастлив и на хорошем счету у начальства. Ему даже предлагали перейти на работу в райцентр, но он отказался. «Я чувствую какое-то нравственное удовлетворение от того, что работаю непосредственно с мужиком, – признается он в письме. – Вы не знаете, до чего он тёмный и грязный. Я его хорошо узнал и полюбил, а раньше не знал, презирал и боялся. Дуррак был... Вы, черти, обязательно пропишите там, что нужно помогать деревне, что нужно своими усилиями, а не косвенно создавать новую деревню. Нужно ехать в глушь самому, а то это легко в городах кататься на трамваях, говорить громкие фразы и не страдать самому...»

И это писал тот самый Колька Цыган, который когда-то мечтал стать вором!.. ШКИДа, учеба на агронома, а затем и работа на Вологодчине превратили его совсем в другого человека.

Если помните, в техникуме он влюбился и, как ему показалось, нашел «товарища жизни», но была ли это его будущая жена? В письмах авторам «Республики ШКИД» обычно откровенный Цыган ни словечком не обмолвился о женитьбе. Выходит, в Вогнеме он еще не был женат? Но будущую супругу он точно знал: у его внучки сохранилась фотокарточка Николая Победоносцева, подаренная ее бабушке Елизавете Сазоновне. На обороте рукой Николая начертано, что это на память от «19-летнего повесы». Следовательно, фотография сделана в 1925 году, когда Колька Цыган заканчивал техникум. И уже тогда они с Елизаветой (она 1908 года рождения, но не сирота – родители жили под Питером) состояли «в отношениях». Увы, бабушка, по словам внучки, не рассказывала, как они с Колькой познакомились, но любовь действительно соединила их на всю жизнь.

Как можно сделать вывод из писем, пробыл Колька Цыган в Вогнеме как минимум до 1929 года. А в 1931 году в деревне Мартышкино (ныне это часть расположенного под Питером города Ломоносов – бывшего Ораниенбаума) у них с Елизаветой, к тому времени ставшей ему законной супругой, родился первый и единственный сын, которого тоже называли Николаем. Вероятно, Колька Цыган перебрался из Вогнемы поближе к родным жены – в Ленинградскую область.

А может, не только женитьбой был вызван этот переезд? По воспоминаниям сына Кольки Цыгана, своей показной жизнерадостностью отец маскировал таившийся глубоко внутри страх – он все время чего-то боялся. Что, если именно с тщательным скрываемым страхом связаны его метания? При этом надо отметить, что сталинских репрессий Победоносцев-старший счастливо избежал. Откуда же этот страх? Сомнения в своих силах? Отголоски беспризорной жизни?..

Этого мы уже никогда не узнаем. Но факт остается фактом: на Вологодчину успешный агроном Николай Победоносцев больше не вернется.

Свидание с родиной

С апреля 1934 года Победоносцевы живут уже в Ленинграде – у них комната в трехкомнатной квартире тогдашней новостройки на Кондратьевском проспекте.

Сохранилась трудовая книжка Николая Александровича, выданная в декабре 1939 года, когда он устроился на работу уполномоченным по заготовкам в Ленснабнарпит – Ленинградскую государственную контору продовольственного и материально-техни-

ческого снабжения столовых, ресторанов и кафе. В самом начале книжки отмечено, что общий трудовой стаж Николая к тому времени – 11 лет и 10 месяцев, причем где конкретно работал – не указано. Получается, что официальная трудовая жизнь Кольки Цыгана началась в феврале 1928 года, хотя тогда он уже в поте лица трудился в вологодской провинции... В общем, неувязочка.

Любопытна и другая деталь: согласно все той же трудовой книжке, Николай, окончивший сельхозтехникум, к 1939 году уже имел... высшее образование! А в военном билете (он тоже сохранился) указано и название вуза – Ленинградский агропедагогический институт (ныне, после многих реформ и пертурбаций, это высшее учебное заведение стало частью Санкт-Петербургского государственного аграрного университета), по окончании которого Николай получил специальность агронома-организатора. А еще, согласно военному билету, попал в начальствующий состав запаса Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).

В Ленснабнарпите Николай проработал всего четыре месяца – был уволен по сокращению штатов. Если верить трудовой книжке, долго не мог найти новое место – пока в апреле 1941 года не устроился директором приусадебного хозяйства учебной базы Ладужской военной флотилии, расквартированной на острове Валаам.

Туда он отправился один, оставив семью в Питере под присмотром деда Сазона – отца жены. Он думал – ненадолго, а оказалось – навсегда.

Загадка отсроченной смерти

Последнее письмо от него родным (причем сына он именует ласково «Колюнчик») датировано 17 мая 1941 года. Николай с восторгом расписывает природу Валаама и обещает приехать за женой и сыном уже 1 июня. Между прочим интересуется, поправилась ли Елизавета, и шуточно выговаривает Колюнчику, почему он не уберег маму от болезни... В общем, трогательное, теплое письмо близким от человека, который тоскует вдали от дома, но не подает вида...

Война перечеркнула все планы. 22 июня фашисты вторглись на наши земли, а уже 5 июля Николай Александрович Победоносцев выбыл из Ладужской военной флотилии – его мобилизовали в РККА.

В качестве интенданта 3-го ранга дипломированного агронома-организатора назначают начальником продовольственно-фуражного снабжения 1-й Особой горно-стрелковой бригады (ОГСБ), которая формировалась в Ленинграде именно в эти дни. Она

должна была действовать в горных районах Кольского полуострова как часть 14-й армии, в связи с чем комплектовали ее преимущественно из ленинградских альпинистов. Делалось это впопыхах. Потом признают, что из необученных солдат запаса не удалось сколотить полноценную боеспособную часть. Да что там говорить, если даже командиров прислали в последний момент и знакомились с подчиненными они уже в эшелонах – с 7 июля новое формирование, состоявшее из четырех батальонов, присоединилось к действующей армии.

Бригада была направлена не в горы, а в новгородские болота – в район Шимска. Участвовала в знаменитом контрударе под Сольцами, наступая на город с востока. Особых подвигов не совершила: зная состояние бригады, ее поставили на вспомогательном направлении. После успешного завершения операции почти месяц стояла в обороне. Это время было использовано на обучение личного состава. Материальную часть тоже слегка пополнили за счет соседних частей и трофеев.

В эти дни особенно досталось интенданту Победоносцеву: в силу своих обязанностей главного снабженца он постоянно мотался между фронтом, тылом и расположением своей части.

10 августа немцы возобновили наступление. Позиции самой бригады атакованы не были, но она оказалась практически в окружении и отступила к Новгороду. При этом отходе и в последующих событиях была потеряна большая часть личного состава.

В августе 1941 года бригада ведёт бои севернее Новгорода. Оборона была прорвана, но наши укрепились близ станции Любань Октябрьской железной дороги, чтобы не дать немцам перерезать важнейшую магистраль. Как вспоминал один из ветеранов 1-й ОГСБ Олег Юрьевич Красильников, в бригаде к тому моменту осталось всего 60 активных штыков – это из порядка трех-то тысяч, собранных в Ленинграде...

16 августа личный состав бригады принял тяжелый бой у поселка Шапки. А 17 августа интендант 3-го ранга Николай Победоносцев... «скоропостижно умер» – так написано в похоронке, которую получила семья.

Внучка Кольки Цыгана Наталья Победоносцева (она врач) полагает, что от перенапряжения и постоянных разъездов у деда случился сердечный приступ. А может, сыграла свою роль наследственность – родители-то тоже рано умерли...

На самом деле обстоятельства смерти Николая Победоносцева вовсе не так прозрачны. Начать с того, что похоронка семье была направлена только в декабре 1942-го – лишь через год с лишним после его смерти! Более того: за

несвоевременное информирование родных (а это прямое нарушение приказа Наркомата обороны №138 от 15 марта 1941 года) командование все в том же декабре 1942 года потребовало наложить на виновных взыскания. Ответ руководства бригады за подписью интенданта 3-го ранга Михеева (уж не он ли заменил Победоносцева?) мы отыскали в Центральном архиве Министерства обороны: Михеев констатировал, что называть некоего «по причине выбытия их из бригады». Получается, все погибли?..

Странно, не находите? Не то, что погибли, а то, что сообщить удосужились лишь через полтора года. Можно, конечно, валить все на царившую во время отступления неразбериху, но почему тогда требовали «наказать виновных»? И почему командование закрыло глаза на явную отписку? Загадка.

К упомянутому документу приложена выписка из «Именного списка безвозвратных потерь», где за подписью все того же Михеева указано место, где похоронили Кольку Цыгана: станция Назия Мгинского района Ленинградской области.

Эта станция (а рядом – и одноименный поселок) существует по сию пору, только теперь это Кировский район Ленобласти. Главное захоронение на местном кладбище – братская могила советских воинов, умерших от ран в располагавшейся поблизости медсанчасти. После Великой Победы отдельные солдатские надгробия собрали в некое подобие мемориала, воздвигли памятник, установили таблички с именами 753 погребенных здесь (в основном – в 1943 году).

На самом деле, по данным Кировского райвоенкомата, в этой братской могиле захоронены 4861 человек. И, видимо, один из них – Колька Цыган из «Республики ШКИД».

Жизнь после жизни

Несмотря на безвременную смерть мужа и отца, семья его пыталась выжить в блокадном Ленинграде. Спасла их запасливость отца Елизаветы – деда Сазона: он еще до войны взял за правило делать «заначку» из спичек, соли, сухарей. Кое-что удавалось обменять на еду, так что с голоду не умерли. А не замерзли лютой зимой потому, что дед Сазон работал истопником в бане и семья перебралась к нему, поближе к теплу...

Но вскорости дед Сазон умер, и пришлось задуматься об эвакуации. После мыканий Елизавета Сазоновна с сыном Николаем оказались в деревне Пирогово Приозерного района (ныне – Плесецкий район) Архангельской области. Имен-

но там вдове Кольки Цыгана, согласно справке Архангельского военкомата от 30 декабря 1942 года, была назначена пенсия по утрате кормильца – 270 рублей (как указано на обороте – из расчета 30% от штатного оклада содержания, составлявшего 900 рублей). Там, в эвакуации, маленький Коля ходил в школу...

Когда война закончилась и они вернулись в Ленинград, оказалось, что их «апартаменты» в трехкомнатной квартире на Кондратьевском проспекте кем-то уже заняты. Чтобы вернуть свою жилплощадь и вновь стать ленинградцами, пришлось судиться...

Годы шли. Николай вырос, окончил военное училище и по распределению попал в закрытый сибирский городок Северск (он же – Томск-7). Елизавета Сазоновна осталась в Питере.

Она умерла в 1980 году. А два года назад ушел из жизни и единственный сын Кольки Цыгана – Николай Николаевич. Кстати, он, как и отец, очень любил играть в шахматы – играл по переписке, защищал честь воинской части на турнирах. Все свободное время проводил за шахматной доской. Обеих своих дочерей научил этой игре. И его старший внук сейчас тоже защищает честь воинской части в шахматных баталиях...

Одна из дочерей, Наталья, – участковый терапевт, живет и работает в Томске. Даже после замужества она оставила себе фамилию деда – Победоносцева.

– Отец говорил, что дед был очень компанейским, щедрым, мог отдать последнее, – рассказы-

вает она. – Я горжусь тем, что, несмотря на трудное детство, балансируя на грани, он стал хорошим человеком.

...В шестидесятых годах XX века, когда писатель Пантелеев готовил «Республику ШКИД» к очередному изданию, он однажды с грустью признался в статье о судьбах героев повести, что давно уже не получал вестей от Кольки Цыгана. Не выяснили ничего и телевизионщики-документалисты, снявшие в 2009 году расследование о судьбах бывших ШКИДцев.

Они и не догадывались, что жизнь хорошего человека Николая Александровича Победоносцева оборвалась в 35 лет. Он мелькнул на небосклоне яркой звездочкой, свет которой продолжает согревать наши сердца.

P.S. Из письма Натальи Победоносцевой автору после знакомства с материалами расследования: «Спасибо Вам большое за хорошую статью о моем дед *Николае Александровиче – Кольке Цыгане!* Вы проделали большую работу по всем источникам. Я узнала много нового и взглянула на него немного по-другому... Мне интересно было узнать о том, где находился дед во время войны. А уж о месте захоронения Вы меня поразили – я никогда на думала, что это возможно! Когда-нибудь я поеду в это место...»

□

Алексей Анатольевич КУДРЯШОВ

родился в 1969 году в городе Соколе Вологодской области,

где проживает и сейчас.

Окончил факультет журналистики СПбГУ,

с тех пор работает в областной прессе.

В настоящее время – ответственный секретарь

вологодской областной газеты

«Премьер – новости за неделю».

Член Союза журналистов России,

дважды становился лауреатом премии имени Гиляровского –

высшей награды областной организации Союза журналистов.

